

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
I. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ИССЛЕДОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ИТАЛЬЯНИСТИКИ	18
Эмпирические основания	18
Теоретические основания	31
II. ИСТОРИЯ «ОБЕССМЫСЛЕННАЯ»	69
Феномен исторического забвения	69
Историческая культура исторической страны: признаки упадка	91
Коммуникационная инфраструктура: пределы несовершенства.	106
III. ИСТОРИЯ «ОСМЫСЛЕННАЯ»	134
Достопамятность как средство обретения смысла истории	134
Исторические составляющие политической культуры: прошлое недавнее	165
IV. ИСТОРИЯ «МИФОЛОГИЗИРОВАННАЯ» VS «ДЕМИФОЛОГИЗИРОВАННАЯ»	212
Исторические мифы и публичная историческая память	212
Фашизм и антифашизм в национальной политической культуре: мифология давнего прошлого.	244
Рисорджименто: новая жизнь старого исторического мифа	302
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	322

Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут
наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания
наши перейдут в радость для тех, кто будет жить
после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут
добрым словом и благословят тех, кто живет теперь.

А. П. Чехов «Три сестры»

| ВВЕДЕНИЕ

В том рвении, с каким общество познает прошлое, как свое собственное, так и иных стран и народов, возможны крайности двоякого рода — от полного «огосударствления» сферы историописания, когда государство принимает на себя функции некоего подобия «министерства исторической истины», до столь же императивных установок на полную свободу историописательского творчества, призванного, искоренив «белые пятна» истории, объяснить все былое с позиций того или иного «историографического ревизионизма». Коллизия этих двух диаметрально противоположных подходов к историческому познанию особо ощутима во времена «исторических ренессансов», приходящихся в большинстве случаев на «точки перегиба» — переломные моменты в общественном развитии.

На своем исходе XX век подтвердил изначально закрепленную за ним историческую репутацию эпохи великих перемен и потрясений, которые обернулись отрицанием его же собственных устоев. Последние десятилетия минувшего столетия вошли в историю как время упадка идеологий, утопий и антиутопий, краха систем геополитического равновесия, еще совсем недавно казавшихся незыблемыми, радикальных преобразований в общественном устройстве, смены традиционных моделей политического развития. Общество, всей силой этих обстоятельств одержимое идеями обновления, неминуемо устремленное в будущее, неизбежно оказывается, как то имеет место в эпохи великих общественных разломов, перед необходимостью ретроспекции — осмысления собственного прошлого, соотнесения с ним своего настоящего и проектов прозреваемого будущего.

Эта историческая рефлексия, где углубленная, а где поверхностная, выливается в самые разнообразные формы, каждый раз становясь одним из способов обретения теми или иными человеческими общностями — от низовых до самых высокоорганизованных — их национального, социального и политического самосознания. Диапазон ее широк и простирается от маниакального поиска «исторических корней», должных узаконить право, часто весьма проблематичное, на существование

и на власть новоявленных политических сил, до нарочито выказываемой агрессивной нетерпимости к прошлому собственной же страны, сурово порицаемому за его «пережитки» в настоящем. Идея и область такого «прикладного», по сути своей «политтехнологического» применения исторического знания, весьма «теоретичного» по сравнению с другими разделами обществоведения, во все большей мере занимают умы современных исследователей, принадлежащих к различным национальным школам и историографическим направлениям¹.

К этому взгляду на историческое знание как нельзя более располагают времена небывалых по глубине общественных разломов, пик которых с редким хронологическим соответствием совпал с завершением XX столетия. Что история — это не только самоценное и самодостаточное занятие для одних лишь профессионалов-эрудитов, что ее функциональное назначение намного шире и имеет свои «прикладные», а то и просто прагматически-приземленные стороны, прямо или косвенно признавалось всегда. Теоретическое осмысление этой «прикладной» и «политтехнологической» сущности знания о прошлом со стороны как собственно исторической науки, так и дисциплин сопредельных, будь то политология, социология или культурология, постепенно утверждает себя на равных с историографическими проблемами более традиционного плана.

Состояния выраженной переходности, при наступлении которых как никогда множится спектр альтернатив общественного развития, особенно обостряют общественный интерес к прош-

¹ См.: Репина Л. П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX конгрессе МКИН) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л. П. Репиной, В. И. Уколовой. М., 2000. 3. С. 7—14; ее же. Социальная память и историческая культура: от античности к новому времени // Диалог со временем / Гл. ред. Л. П. Репина. М., 2001. 7. С. 5—7; Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2003. С. 9—18; История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006; Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю. История, память, мифы // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 116—125; Fulbrook M. Historical Theory. London; New York, 2002; The Ethics of History / Edited by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Evanston, 2004; Bevilacqua P. L'utilità della storia. Il passato e gli altri mondi possibili. Roma, 2007.

лomu, предрасполагая к «погружению» в историю, каким бы способом историописания либо вообще репрезентации этого прошлого ни заявлял о себе каждый новый «век истории». Потому как «история — по исполненному глубокого смысла высказыванию Розарио Ромео, одного из ее выдающихся знатоков в Италии второй половины XX в., — это нескончаемое «опытное поле», предназначенное для наблюдения над действием великих альтернатив, возникавших перед человеческой цивилизацией на ее пути. Это театр, в котором постоянно, причем каждый раз заново, разыгрывается человеческая комедия. Это та сфера, в которой лучше, чем в какой-либо иной, раскрываются магистральные тенденции и направления развития человечества»¹.

В пространственном отношении исследование ограничено пределами Италии — страны западного мира, которой на протяжении XX столетия и по его завершении довелось пережить едва ли не самые острые моменты альтернативности — решающего исторического выбора, — сопровождавшиеся резкими изменениями в соотношении социальных и политических сил, возникновением новых форм реализации власти и даже новой государственности. Относительно позднее обретение национального единства, достигнутого на основе системы шатких, неустойчивых компромиссов, и, как следствие, откликнувшееся и в веке двадцатом, как и в следующем за ним, непримиримо конфликтное противостояние власти и оппозиции, наличие и постоянное воспроизводство мощного потенциала антиэтатистских сил — все эти факторы предопределяли хроническое состояние общественной нестабильности, которая оборачивалась частыми, по историческим меркам, почти «калейдоскопическими» сменами облика Италии — ее государственного устройства, партийно-политической системы, политического класса².

¹ Galasso G. E il passato rispose: Presente! // L'Espresso. 1974. N. 29. P. 47—48. См. интересные соображения об образе мира как театре (образе шекспировском по своему происхождению), используемом в историописании: Экштут С. А. История и литература: «полоса отчуждения»?.. // Диалог со временем. 3. С. 64—66; Его же. История и литература // Сотворение Истории. Человек. Память. Текст. Цикл лекций / Отв. ред. Е. А. Вишленкова. Казань, 2001. С. 431—433.

² См.: Коломиец В. К. Начало нового этапа идейной борьбы в итальянском социалистическом движении (конец 70-х — начало 80-х гг.

Последние десятилетия XX в. явились трудным и серьезным испытанием для итальянской республиканской государственности — Первой республики, начало которой восходит ко второй половине 40-х годов, отмеченных победой национально-освободительного антифашистского движения Соппротивления. То был исторический период, вместивший в себя исполненные глубокого драматизма 70—80-е годы, окрещенные в итальянской публицистике «свинцовыми», «ночью республики». То было время разгула политического терроризма, организованной преступности и насилия, небывалой активизации экстремистских сил правого и в особенности левого толка — «вооруженной партии», одержимо нацеленной на разрушение ключевых государственных институтов, а в ближайшей перспективе — на ниспровержение существующей государственности. Италия, таким образом, оказалась едва ли не первой страной, которая напрямую столкнулась с угрозой международного терроризма — социального зла, в наши дни поражающего мир своими доселе невиданными формами и масштабами¹. Отзвук тех драматических времен ясно различим в рецидивах террористической активности и в других разновидностях политического вандализма, обнаруживших себя в Италии как при самом завершении XX столетия, так и в начале нового тысячелетия².

На протяжении своей полувековой новейшей истории Италия периодически ввергалась в условия чрезвычайности, будучи вынуждена противостоять, защищая свои государственные

XIX в.) // Проблемы рабочего движения и идеологической борьбы в Западной Европе (история и современность) / Отв. ред. Ю. И. Березина. М., 1976. С. 3—39; его же. Итог развития постсоветской России: преодоление состояния переходности // На переломах эпох. Политическая трансформация российского общества. Из материалов научно-практических конференций, симпозиумов, «круглых столов». 1989—2006. М., 2006. С. 333; Salvadori M. L. Storia d'Italia e crisi di regime. Bologna, 1994; Левин И. Б. Размышления об итальянском кризисе // Полис. 1995. № 2. С. 47—48.

¹ См.: Pasquino G. International terrorism // ISIG. Trimestrale di Sociologia Internazionale. 2003. N 1/2. P. 4—5; Basic N. A new identity of terrorism // Ivi. P. 5—7.

² См.: La sfida al G8. Roma, 2001; Fonio C. I movimenti collettivi nell'epoca della globalizzazione. I no global in Italia // Studi di sociologia. 2004. N. 2. P. 211—239.

основания, то опасности авторитарного перерождения власти, то вспышкам терроризма, то вызовам со стороны организованной преступности¹. На судьбах страны на Апеннинах сказались и те геополитические катаклизмы начала 90-х годов, спровоцированные распадом Советского Союза², которые, сняв многие, в том числе и психологические, барьеры, возродили такую архаично-экзотическую форму антиэтатизма, как сепаратизм, поставив под вопрос, впервые со времен национального объединения, правомерность существования единого итальянского государства³.

То было не единственным фактором развития в какой-то мере общей истории России и Италии: обусловленность итальянской истории историей российской проявляла себя на протяжении всего XX столетия. Она неизменно сказывалась в существовании в стране на Апеннинах того мощного пласта левой политической субкультуры⁴, который сформировался уже в завершающие десятилетия XIX в., по достижении национального объединения страны, и который долгое время, среди прочих внешних влияний, в существенной мере подпитывался историческими мифами русской революционности — народовольческого и эсеровского терроризма, революций 1905 и 1917 гг., коммунизма и антифашизма, Советской России и Советского

¹ См.: Jamieson A. *The Antimafia. Italy's Fight against Organized Crime*. New York, 2000.

² См.: Левин И. Итальянский кризис в зеркале российского // *Сегодня*. 1996. 20 июня. С. 5.

³ См.: Коломиец В. Самостийная Падания. Новое государство на карте Европы // *Megapolis-Kontinent*. 1996. N. 40. С. 4; Яхимович З. Левый центр у власти: итальянский опыт // *Форум: Политический процесс и его противоречия* / Гл. ред. Т. Тимофеев. М., 1997. С. 216—237; Коломиец В. Левоцентризм по-итальянски // *Megapolis-Kontinent*. 1998. N. 46. С. 4; Яхимович З. П. Левые демократы в обновленной партийной системе Италии // *Европейские левые на рубеже тысячелетий* / Отв. ред. В. Я. Швейцер. М., 2005. С. 209—217; Вялков Ю. А. Проблема регионального национализма в Италии (последняя четверть XX века) // *Новая и новейшая история*. 2007. № 6. С. 24—36; Левин И. Б. В урне — пепел демократии? // *Полития*. 2009. № 2. С. 102—140.

⁴ См.: Холодковский К. Г. *Италия: массы и политика. Эволюция социально-политического сознания трудящихся в 1945—1985 гг.* М., 1989. С. 27—43.

Союза — «первого в мире государства рабочих и крестьян», создававшими, в свою очередь, питательную среду для воспроизводства — как собственной противоположности — исторического мифа антикоммунизма.

Переплетение исторических судеб России и Италии обнаруживало себя и в великом международном противостоянии XX века между фашизмом и антифашизмом: той же Италии принадлежало и фактическое, и символическое первенство среди стран, избравших тоталитарную форму правления крайне правого толка, в то время как России была уготована роль естественного центра притяжения, опять-таки сколь фактического, столь и символического, для значительного потенциала антифашистских сил¹. Как, впрочем, и много позже, десятилетия спустя, согласно выводам отечественной итальянистики, крах советской государственности в начале 90-х годов обернулся цепной реакцией очередного глубокого кризиса государственности итальянской, оказавшегося теперь уже следствием гораздо более выраженной, чем в прежние исторические времена, глобальной взаимообусловленности мира².

При такой очевидной, вошедшей в норму «прерывистости» национального исторического процесса проблема преемственности между его различными фазами, или «связи времен», если употребить известную литературную формулу, их «совместимости» и способов «совмещения» постоянно сохраняет свою актуальность, накладывая глубокий отпечаток на политическую жизнь, общественную мысль и общественные унастроения. Именно поэтому, быть может, наиболее адекватный политический образ подобного «прерывисто», с особым динамизмом развивающегося общества, каковым со всей очевидностью является итальянское, воплощает в себе его историческое сознание. Благо что Италия, сыгравшая неординарную и незаурядную роль в европейской цивилизации, — страна чрезвычайно давнего, богатого драматическими коллизиями исторического прошлого, породившего великие исторические мифы античной

¹ См.: Kolomiez V. Il Bel Paese visto da lontano... Immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri. Manduria-Bari-Roma, 2007. P. 89—136.

² См., например: Левин И. Б. Размышления об итальянском кризисе. С. 44—47.

древности, Возрождения, а в Новое и Новейшее время — Рисорджименто и Соппротивления¹. Отсюда вытекает, представляясь более чем правомерной и оправданной, гипотеза относительно его очевидной «небесследности» для современной Италии.

Допущение, лежащее в основе этой гипотезы, при всей его умозрительности на первый взгляд кажется логически совершенно безупречным, но при ближайшем рассмотрении, как то нередко бывает, требует особого обоснования. Действительно, с одной стороны, историческое сознание — категория историописания, утвердившаяся в европейской исторической культуре еще в эпоху Нового времени². Однако в сегодняшней Италии, с другой стороны, — научная категория не очень известная, вплоть до того что иногда даже в профессиональной среде историков это словосочетание «*coscienza storica*», представляющее собой кальку с русского «историческое сознание», воспринимается — за относительно редкими исключениями³ — либо с сомнением, либо чуть ли не вообще с отрицанием.

Что в практике репрезентации прошлого, в языке науки и научно-популярного знания она не слишком продуктивна и парадоксальным образом остается маловостребованной, автор этих строк имел возможность убедиться на собственном опыте: при подготовке статьи к изданию в одном итальянском историческом журнале в процессе неизбежного в таких случаях редактирования ему пришлось столкнуться с заменой категории «историческое сознание», присутствовавшей в первоначальном варианте, на гораздо менее точную и расплывчато-неопределенную категорию «историческая культура» («*cultura storica*»)⁴. Наконец, еще одно косвенное подтверждение малой

¹ См.: Яхимович З. П. Национальная идея и ее роль в генезисе и трансформациях итальянской государственности и нации в XIX—XX вв. // Национальная идея: страны, народы, социумы / Отв. ред. Ю. С. Оганисян. М., 2007. С. 95—115.

² См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. М., 2005. С. 189.

³ См.: Bologna F. La coscienza storica dell'arte d'Italia. Torino, 1982; Galasso G. Storia d'Italia e coscienza storica dell'arte in Italia // Rivista storica italiana. 2006. Fasc. I. P. 178—187.

⁴ См.: Kolomiez V. La ricerca storica dei tempi della *Perestrojka*: un primo bilancio della “nuova storia” nella ex-Unione Sovietica // In/formazione. 1992. N. 22. P. 3—4.

распространенности этой категории в итальянском историописании — новейшее исследование итальянского историка Марио Мьедже, хотя и специально ей посвященное, но, словно бы заранее допуская необходимость дополнительных разъяснений на данный счет, симптоматично озаглавленное вопросом: «Что такое историческое сознание?»¹

По своей дисциплинарной принадлежности проблематика исторического сознания формально и традиционно включена прежде всего в предметное поле историографии. Но одновременно она с не меньшей обоснованностью может быть отнесена и к сфере компетенции политической науки, обнаруживая при этом некоторые признаки и свойства политических технологий, с помощью и посредством которых вершится политика памяти. Празднование памятных исторических дат, информационные поводы, возникающие на медийном уровне и навеянные теми или иными событиями прошлого, популяризация исторических знаний в просветительских целях — все это в силу своей «политтехнологичности» может найти свое осмысление и объяснение с точки зрения все той же политической науки.

Сопредельность политической науки с историей имеет первостепенную важность, поскольку, несмотря на все новейшие историографические изыски, большую часть знания о прошлом, находящегося в обращении, как научного, так и научно-популярного, составляет именно политическая история. Последняя неизменно доминирует в историописании, так как его содержание, вне зависимости от принадлежности исследования к тому или иному историческому жанру, в конечном счете сводится к истории конфликтов². При таком господствующем векторе исторического познания категория «историческое сознание», по самому ее определению, может как нельзя более органично встроиться в систему современного историописания, оказываясь в то же время соотносимой и с категориями политической науки. Ибо историческое сознание, по справедливому замечанию его итальянского исследователя Марио Мьедже, всегда

¹ См.: Miegge M. *Che cos'è la coscienza storica?* Milano, 2004.

² См.: Куцёва М. В., Саприкина О. В., Смирнова Е. В. Международная конференция «Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте» // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 248.

ассоциируется с риторической фигурой «воинственности»¹, то есть социальных конфликтов. Эта ассоциация, как отмечалось, естественным образом возникает применительно к Италии, где социальная конфликтность традиционно имеет особенно острый и затяжной характер, что еще раз подчеркивает актуальность категории «историческое сознание».

Справедливо предположить, что историческое знание, адресованное сообразно этим регламентирующим политическим технологиям массовой аудитории, как и результаты ее собственных познавательных усилий по формированию своей собственной — народной историографической субкультуры, окажутся существенно иными, а «дилетантски» реконструированный образ прошлого во многих случаях будет контрастировать с научными историческими представлениями, созданными академической историографической субкультурой. Да и по своему функциональному назначению такой политический образ прошлого, осмысленный как исторический опыт, актуальный как для нынешних, так и для последующих времен, хотя и не всегда освященный высоким авторитетом исторической науки или иных сфер деятельности, специализирующихся на популяризации истории, будет более прикладным, максимально нацеленным на «сообщаемость» с настоящим.

Историческое сознание, фиксирующее этот образ прошлого, становится фактором современной политики, обнаруживая себя, где в скрытом, а где в явном виде, в таких ее феноменах, как политические ценности, политические ориентации, политическое поведение, формирующих и воспроизводящих политические институты общества, а в конечном счете и его государственность². В этом процессе созидания государственности историческое сознание выполняет важную элементообразующую функцию, в значительной мере предопределяя ее — государственности — облик, пути развития и исторические судьбы³.

¹ Intervista a Mario Miegge su *Che cos'è la coscienza storica?* URL: http://www.feltrinelli.it/SchedaTesti?id_testo=1318&id_int=1236 (дата обращения: 15.02.2005).

² См.: Canfora L. *L'uso politico dei paradigmi storici*. Roma-Bari, 2010.

³ См.: Историческое сознание в современной политической культуре. (Материалы «круглого стола») // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4. С. 108; Глебова И. И. Политическая культура России.

Долгое время в нашем отечественном политическом языке понятие «государственность» выглядело почти что анахронизмом, а случаи его употребления были довольно редки, ограничиваясь по большей части раннеисторическими временами. «Ренессанс» и самый настоящий «бум» востребованности понятия «государственность», определяемого, к примеру, как «*относительно жестко закрепленные институциональные основы политических систем, своего рода рамка, или костяк, обеспечивающая структурное единство и целостность* несравненно более широкой, разнообразной и подвижной политики»¹, наступил все в те же перестроечные и постперестроечные годы, ввергнувшие советскую государственность в состояние глубокого кризиса, завершением которого стала ее замена государственностью российской. Этот императив переоснования государственности, произведенного в начале 90-х годов, во многом выводился из необходимости достижения упорядоченных, сбалансированных отношений между государством и гражданским обществом².

С учетом обусловленности итальянской истории историей российской сходная концептуальная схема, выражающая политический процесс в терминах Великой реформы государственности, а на деле — ее переоснования, в известной мере обнаруживает свою применимость и к тому периоду истории Италии, который приходится и на завершающие десятилетия XX в.³, и на самое начало следующего столетия. Перипетии новейшей истории итальянской государственности не обходились без извлечения из исторической памяти общества образов давнего и недавнего прошлого, без выстраивания исторических

Образы прошлого и современность. М., 2006; Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond / Bo Stråth (ed.). Bruxelles; Bern; Berlin; Frankfurt/M.; New York; Wien, 2000; Boia L. History and Myth in Romanian Consciousness. Budapest; New York, 2003; Gardner Ph. Hermeneutics, History and Memory. London and New York, 2010.

¹ Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 187.

² Ср.: там же. С. 201—202.

³ См.: Левин И. Б. Указ. соч.; его же. Размышления об итальянском кризисе. С. 51.

аналогий и соответствий, призванных утвердить либо оспорить существующие государственные устои. То есть, иными словами, историческое сознание неизменно проявляло себя в своей естественной роли и функции неотъемлемого элемента государственности.

Рассмотрение проблемы государственности, соотношенной с историческим сознанием, выводит, в свою очередь, на уровень исследования политической жизни как воплощения человеческого «измерения» политики, человеческой субъективности в истории. В традиции западной политической науки под понятие «политическая жизнь» обычно подводится максимально широкий круг политических явлений, политические отношения и институты в их совокупности. Тем же обобщающим смыслом, к тому же терминологически менее регламентированным, оно наделено и в языке нашей отечественной политики и науки. При этом, однако, и на Западе, и в России утверждается иной исследовательский подход, придающий «политической жизни» строго категориальное значение, согласно которому ее ассоциируют прежде всего с неинституциональными и «затененными» формами политики¹. Сродни последним оказывается, по-видимому, такой феномен исторического сознания, как исторический миф, который, с одной стороны, имеет стихийно-иррациональную, «затененную» природу, а с другой — обнаруживает в себе явные и неявные признаки рационального воздействия — политических технологий, используемых для его сотворения и воспроизводства. Иными словами, еще одна логическая связка — «историческое сознание — политическая жизнь» — также представляет собой немалый исследовательский интерес с точки зрения соотносимости категорий историописания и политической науки.

В данном своем качестве, то есть будучи отнесенной к предметному полю политической науки, категория «историческое сознание» представляется наименее исследованной. Как одна из актуальных проблем общественнознания, разрабатываемых в сфере историографии, историософии, исторической социологии,

¹ См., например: Демидов А. И. Категория «политическая жизнь» как инструмент человеческого измерения политики // Полис. 2002. № 3. С. 156—162.

она заслуживает своего безусловного рассмотрения в соотношении с такими политологическими категориями, как политическая культура, государственность, политические технологии, политическая жизнь. Этот исследовательский подход представляется особенно продуктивным применительно к Италии — стране, как и Россия, одновременно и далекой, и близкой от нее, по определению «исторической».

Хронологически исследование отнесено к современности — эта периодизационная категория как национальной, так и всемирной истории, сопрягающая историческое время и пространство, широчайшим образом используется и в общественном сознании, и в политической повседневности, будучи между тем, к примеру, в традиции марксистского историзма советской эпохи, да и других направлений исторической мысли, достаточно размытой и лишенной сколько-нибудь выраженной научной строгости. При таком устоявшемся, хотя и далеко не единственном подходе, отличающем наше отечественное историописание, современность обычно ассоциируется с событиями, максимально приближенными к сегодняшнему дню или — в расширительном значении этого слова — пришедшимися на время жизни нынешних поколений.

Несколько иным образом дело обстоит в практике западной, и в частности итальянской, исторической науки, оперирующей категорией «современная история», — некоторым аналогом «новейшей истории», принятым по сей день в периодизационной схеме нашей историографии, основанием которой длительное время служил марксистский историзм. «Современность» обретает тем самым должный категориальный статус в сфере научного исследования, узаконивая себя как полноправный элемент исторической периодизации.

В пределах современности приоритет, сообразно со сложившейся западной традицией историописания, наделяющей начало и конец столетия почти мистическим содержанием¹, отдан концу века — в данном случае века двадцатого, его завершающим десятилетиям, на которые пришлись события-символы,

¹ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. В двух томах. Т. 1. Конструирование прошлого. С. 554—555.

словно бы подводящие исторический итог целой эпохи. В бурный водоворот тех событий, составивших общую историю Италии и России, оказались вовлеченными, с разными для себя последствиями, обе страны. Естественно, что представления о современности страдали бы очевидной неполнотой, если бы повествование не распространялось на начало века последующего — века двадцать первого, который, однако, хотя и открыл новое тысячелетие, пока всего лишь продолжает тенденции своего предшественника и еще не утвердился в качестве новой и самостоятельной историографической категории.

I | ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ИССЛЕДОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ИТАЛЬЯНИСТИКИ

Эмпирические основания

В научном историописании эмпирическое понимается либо традиционно — как исторический источник, либо в более современном смысле слова — как информация¹. В социологии таким аналогом эмпирического знания служит со всей очевидностью первичная социологическая информация. Своя эмпирическая составляющая есть и у политической науки, хотя в силу относительной молодости последней, незавершенности в разработке ее категориально-понятийного аппарата она еще не обрела сколько-нибудь однозначно точного, устоявшегося наименования. Как бы то ни было, во всех случаях под эмпирическими основаниями исследования обычно подразумевается средоточие первичного знания, представленного в первоизданном виде, не исследованного, как правило, на предмет его достоверности, а если все-таки и подвергнутого предварительной аналитической обработке, то в минимальной степени. Естественным образом свой эмпирический «срез» имеет и проблема исторического сознания.

Длительное время проблема реконструкции исторических представлений, бытующих на массовом уровне, располагалась словно бы вне сферы научного исторического познания, ожидая

¹ См. подробнее: Савельева И. М., Полетаев А. В. История в пространстве социальных наук // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 9—11.

своего адекватного решения на путях разработки весьма специфического познавательного инструментария. Ибо историческое мировидение «человека с улицы» уже в самом своем принципе есть история «некнижная» — так трудноуловимы ее образы, которые если и остаются запечатленными какими-либо историографическими источниками, то, как правило, весьма спорадично, фрагментарно и не слишком надежно в плане их достоверности. «Летучесть» такого исторического знания, практически не подлежащего письменному, «книжному» отображению, немудимо обрекает его на быстрое и во многих случаях бесследное исчезновение. Вот почему даже современное высокоинформатизированное общество поставляет столь немного сведений об этой стороне своей жизни¹.

Возможность зафиксировать эти «бесписьменные» версии прошлого, вобравшие в себя подобное переживание социального времени, нередко более чем далекое от научности восприятие истории, открылась только с возникновением демоскопии — специальной дисциплины, занимающейся изучением общественного мнения.

В Италии, как и в соседней Германии, зарождение демоскопических методов исследования датируется последним десятилетием XIX в. Первые массовые опросы того времени — тексты массового сознания, — будучи уникальными как по своему методу, хотя и весьма несовершенному, так и по полученным результатам, не идут, разумеется, ни в какое сравнение с современной высококоразвитой «индустрией» социологического зондирования, играющей существенную роль в выявлении политических настроений, в прогнозировании политического поведения массовых социальных слоев и групп.

Однако уже в ту пору была заложена или, по меньшей мере, продекларирована в качестве основополагающего принципа первых демоскопических опытов их независимость от каких бы то ни было целей политического или партийного характера. И тогда же организаторам опросов общественного мнения было суждено принять на себя огонь ожесточенной

¹ См.: Историческое сознание в современной политической культуре. С. 92; *Il futuro della memoria: la trasmissione del patrimonio culturale nell'era digitale / CSI-Piemonte*. Torino, 2005.

критики, в чем-то обоснованной, а в чем-то и надуманной, глухие отголоски которой слышны порой и сегодня. В частности, те, кто оспаривал первые начинания итальянской социологии общественного мнения, будучи людьми весьма искушенными в политике, не могли довольствоваться простой верой на слово, которая в силу несовершенства методов идентификации общественного мнения, приемов интерпретации опросных данных по сути дела предлагалась тогдашними демоскопическими исследованиями.

Более того, критики демокопии прозорливо и обоснованно усматривали в ней новое, небывало мощное средство манипулирования избирателями, способное усугубить состояние неслободы политического выбора. К тому же многие потенциальные респонденты почитали опасным откровенное публичное оглашение собственных политических взглядов, тем более в обществе, организованном по мафиозному принципу. А такого рода соображения значили очень много в Италии конца XIX — начала XX в., где демократизм всего политического уклада был весьма относителен и волеизъявление граждан по политическим вопросам сплошь и рядом подвергалось деформирующему воздействию традиционных общественных структур и репрессивного аппарата государства.

Открытая декларация политических предпочтений, если они расходились с интересами какого-нибудь влиятельного нотабля из когорты власть имущих, могла низвести гражданина до положения социального изгоя, подвергаемого всеобщему остракизму, если не, того более, спровоцировать против него при существовавшем жестком социальном контроле даже некие карательные санкции.

Наконец, была еще одна, по-видимому, достаточно распространенная причина возникновения негативной реакции на демоскопические методы исследования в либеральной Италии. В обществе чрезвычайно консервативном, отягощенном бременем корпоративно-иерархических предрассудков, попытка проникнуть в чужой образ мыслей, критически оценить его столь новым, необычным, даже в чем-то вызывающим способом, воспринималась не иначе как посягательство на самую суть господствующих этических норм. Все эти обстоятельства в своей совокупности консолидировали тот барьер предубеждений, на

который неизменно наталкивались инициативы зачинателей итальянской демоскопии¹.

При том что историческая тема не была предметом специального рассмотрения в первых зондажах общественного мнения, ее присутствие там достаточно очевидно. Иногда она заложена в самих вопросах социологической анкеты, но чаще история стихийно представлена во мнениях респондентов, логика рассуждений которых, например, о социализме или о милитаристской угрозе, о допустимости участия социалистов в правительстве или о националистических настроениях, неизбежно выводила их на уровень тех или иных, часто неожиданных исторических ретроспекций².

Эти первые демоскопические опыты, многообещающие с точки зрения будущего социологии политики, зиждились, однако, всецело на энтузиазме дилетантов, в то время как академическая наука не обнаруживала даже каких-либо признаков осведомленности на данный счет. Хотя научная мысль в области той же социальной статистики, ее сбора методами массового опроса (переписи населения, парламентские расследования и т.п.) вовсе не производила впечатления полной застойности. Как не была застойной и более специализированная сфера

¹ См.: Коломиец В. К. Опросы общественного мнения как источник для изучения политических ориентаций итальянцев в конце XIX — начале XX в. // Рабочий класс в мировом революционном процессе 1983 / Отв. ред. А. А. Галкин. М., 1983. С. 256—269; Idem. *Libertà, uguaglianza, fraternità nella coscienza di massa in Italia e in Russia alla fine del XIX secolo* // *Libertà e cittadinanza sociale. I due '89: dalla Rivoluzione francese alla Seconda Internazionale* / Scritti di F. Bonamusa... Fondazione Feltrinelli. Quaderni/41. Milano, 1991. P. 63—65.

² См.: *Inchiesta sul Socialismo* // *Vita Moderna*. 1894. N. 18, 21—22; *I codicilli della nostra Inchiesta sul Socialismo* // *Vita Moderna*. 1894. N. 23—25; *Il Socialismo Giudicato da Letterati, Artisti e Scienziati italiani*, con prefazione di Gustavo Macchi. Milano. 1895; *La nostra inchiesta* // *La Vita Internazionale*. 1898. N. 5. P. 129—130; *La nostra inchiesta sulla guerra e sul militarismo* // *La Vita Internazionale*. 1898. P. 213—215, 248—249, 281—283, 346, 378—379; *Bios. Pagine compilate da E. A. Marescotti. Anno I (1902/03)*. Milano, 1903; *Inchiesta sulla partecipazione dei socialisti al governo* // *Il Viandante*. 1909. N. 28—30; 1910. N. 1—3; *Il Nazionalismo giudicato da Letterati, Artisti, Scienziati, Uomini politici e giornalisti italiani*. Genova, 1913.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru